

Николай Зеляк

Приключения космических мушкетёров

Эпизоды космических
странствий Кручина
и Ветрова

Николай Зеляк

**Приключения космических
мушкетёров. Эпизоды
космических странствий
Кручина и Ветрова**

«Издательские решения»

Земяк Н.

Приключения космических мушкетёров. Эпизоды космических странствий Кручина и Ветрова / Н. Земяк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-555060-6

Человек не ангел. У него за плечами нет крыльев. Но он не смирился с этим физическим недостатком. Он всегда хотел летать. Как птица. Свободно и рядом с Солнцем...И наступит время, когда он придумает звездолёт, или иное невиданное устройство, которые позволят ему перемещаться между планетами и звёздами так же легко и быстро, как он сегодня передвигается между станциями метро...

ISBN 978-5-00-555060-6

© Земяк Н.
© Издательские решения

Содержание

Сюрреализм	7
Энцелад	12
Кольцо Сатурна	17
Небесный камень	21
Такая работа	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Приключения космических мушкетёров Эпизоды космических странствий Кручина и Ветрова

Николай Зеляк

© Николай Зеляк, 2021

ISBN 978-5-0055-5060-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проблема выбора... Она стояла перед человеком во все времена. Одни предпочитали тихую и уютную гавань, а другие, презрев опасности, стремились приблизиться к линии горизонта. Они горели желанием узнать, что там за этой загадочной чертой, которая вечно отодвигается, по мере приближения к ней. За то для энтузиастов – первопроходцев, в качестве награды за их усилия, открываются новые, доселе невиданные, миры...

Исследователи-первопроходцы всегда были готовы поменять благополучие и уют на неизвестную будущность и лишения ради того, чтобы открыть что-то новое, ранее неизведанное. Именно такие люди делают открытия в науке, открывают новые земли и покоряют космос...

Космические путешествия открывают перед ними новые, ничем не ограниченные, возможности. Наступит время и эти сильные и мужественные люди отправятся в опасное путешествие открывать иные миры. Сначала в пределах Солнечной системы, а потом и за её пределами...

Путь космических первооткрывателей наверняка будет тернистым. Он будет усыпан не лепестками роз, а скорее всего её шипами. Но они не отступят. Они даже рискнут своей жизнью, чтобы узнать, что находится там, за таинственной чертой неизвестного.

В этой книге говорится именно о таких энтузиастах-исследователях, которые посвятили свою жизнь исследованию небесных тел Солнечной системы. Зовут этих космических мушкетёров Кручин и Ветров...

Сюрреализм

Меня зовут Кручин, а моего друга и соратника – Ветров. Мы с Ветровым давно стали настоящими космическими волками. Держимся вместе уже бог весть сколько времени. Работаем, в основном, за пределами астероидного пояса. Этот нескончаемый поток из бесчисленного числа каменных и ледяных глыб, как межа, делит Солнечную систему на ближний и дальний космос. Но не надо думать, что мы какие-то космические бродяги или авантюристы. Мы всегда действуем по заданию Космического центра.

У нас, конечно же, есть жёны, дети и многочисленные друзья. Мы живём в самом красивом городе Земли – Москве. Живи да радуйся полноте жизни. Но мы значительную часть своей жизни проводим в космосе. Такая уж у нас беспокойная и романтическая профессия – исследователи небесных тел Солнечной системы. Причём преимущественно тех, которые кружат за пределами астероидного пояса.

Мы перемещаемся на сверхбыстрых и маневренных космических кораблях, поэтому на полёты к исследуемым космическим объектам затрачивается относительно мало времени.

Ближний космос начинается в окрестностях Солнца и заканчивается орбитой Марса. Он замкнут, изучен, уютен, понятен и... тесен. Теперь он интересен, в основном, космическим туристам.

Потянет какого-нибудь туристического экстремала «позагорать» на Меркурии? Да, ради бога. Такая возможность в космическом туризме существует. Далековато, но игра стоит свеч. Можно гарантированно запастись впечатлениями на всю оставшуюся жизнь. Ходи, любуйся дикими пейзажами, насквозь прожаренной планеты, и очень близким Светилом. Страшным и косматым. Правда, за бортом плюс пятьсот, почти нет атмосферы и запредельная радиация.

Захочет кто-то, из космических туристов, поплавать в густых и тёплых облаках Венеры? Пожалуйста! Крути себе вокруг неё свои кругосветные путешествия. Плавай, сколько пожелаешь. Экзотики много, а риска мало. Безопасность и комфорт тебе будут гарантированы.

Иные же пожелают, не торопясь, побродить по поверхности Марса, воображая из себя первопроходцев. А почему бы и не вообразить? Ведь вокруг такой суровый, и такой инопланетный пейзаж, что дух захватывает. И страшно, и интересно. Правда, рядом находится уютная, марсианская база, и уходить от неё слишком далеко, почему-то, не хочется.

О планете Земля даже упоминать не стоит, настолько там всё исхожено, да изъезжено. Правда, есть ещё Луна. Но и туда туристические путешествия тоже стали уже вещами повседневными...

Другое дело дальний космос. Он открыт в бесконечность. Будешь двигаться хоть вечность, но до края его всё равно не дотянешься. Дальний космос полон неопределённостей, странностей и, даже, сюрреализма. Никогда не знаешь, откуда тебе угрожает опасность, или какой-нибудь другой сюрприз. Тоже неприятный. И это хорошо. Они не дают тебе расслабиться. Волей-неволей, всегда приходится держать себя в хорошей форме...

Наш посадочный модуль благополучно достиг поверхности Титана и надёжно упёрся своими телескопическими лапами в его каменную твердь. Мы покинули шлюз модуля и, по пружинящей лестнице, спустились вниз. Десантировались мы на Титан не только для того, чтобы полюбоваться его экзотическими пейзажами, но и увидеть, доступные взгляду, особенности его геологии. Вдруг, обнаружится что-нибудь интересное.

Отошли от модуля на несколько десятков шагов. Остановились у небольшого обрыва. Внимательно огляделись.

Титан – спутник Сатурна. Он самый крупный, если не считать Ганимеда, естественный спутник Солнечной системы. Но гораздо меньше Земли. При этом он обзавёлся удивительно мощной атмосферой. Она в полтора раза гуще, чем атмосфера нашей планеты. Если находится

там, то на каждый квадратный сантиметр поверхности вашего тела будет давить полтора килограмма. Однако дышать ею не рекомендуется. Потому, что бессмысленно. В составе атмосферы Титана отсутствует кислород. Зато там много азота и чуть-чуть аргона с метаном.

Спутник Сатурна больше Луны в полтора раза. Но рыхлее её. Похоже, он слеплен из камней и льда. Сила тяжести небольшая, всего одна седьмая земной. Поэтому, даже в громоздком скафандре, передвигаться по его поверхности легко. Она, в основном, равнинная. Лишь кое-где наблюдаются небольшие горные образования.

Бурь у его поверхности почти нет. Им мешает разгуляться невероятно низкая температура и плотная атмосфера.

У меня, от удивления, перехватило дух.

– Поразительно, но пейзажи здесь такие же, как на Земле! Только выглядят, как в ноябрьскую пору, когда природа готовится к зиме. Очень грустные они, даже сумеречные. Никогда бы не подумал, что здесь, на спутнике Сатурна, увижу такую знакомую картину!

Мой визави был удивлён не меньше моего.

– Я бы, тоже, никогда не поверил в это чудо, если бы не увидел его собственными глазами!

Перевёл дыхание и продолжил:

– Ну и дела! И небо похоже на наше, хоть и чужое. По нему, как и у нас, тоже бегут облака. Только небо цветом отличается. Тёмно-оранжевое оно, зловещее какое-то. И дождей с грозами здесь никогда не будет, не смотря на пушистые облака.

Я поддержал его:

– Ты прав. Это мёртвый мир. Здесь всегда будет царить вечная тишина. Как на кладбище. Ветров ткнул неуклюжим пальцем вниз.

– Смотри, настоящая река! И где? У чёрта на куличках!

Я с ним охотно согласился:

– Да, действительно, река, но это не та река, которая нам нужна. В ней не искупаешься. Мой товарищ зябко пожал плечами. Получилось нескладно: мешал грубый скафандр.

– Ты прав. Жидкий метано-этан это далеко не вода.

Я мрачно пошутил:

– В такую «воду» можно окунуться только один раз. Если без скафандра. Сразу превратишься в скульптуру. И будет она твёрже гранита!

Ветров поддержал мою невесёлую шутку:

– Простойшь века и будешь, как новенький.

Я возразил:

– Не века, а миллионы лет! Чем не бессмертие, а?

Мой коллега иронично потянул вверх уголок рта.

– Извини, Кручин, но такого бессмертия не пожелаешь и врагу.

Я снова пошутил. Получилось немного мрачновато:

– Если в эту реку бросить хотя бы одну зажженную спичку, то сразу потеплеет.

Ветров вяло улыбнулся.

– Ещё как потеплеет! Температура на поверхности сразу подпрыгнет с минус ста семидесяти до двух тысяч градусов. Причём на всём шарике.

Я поинтересовался у коллеги:

– Как ты считаешь, этот фейерверк будет виден с Земли?

Коллега бодро ответил:

– Полагаю, что да. Титан затмит своим блеском сам Сатурн. Правда, только до тех пор, пока не выгорит всё горючее.

Я оптимистично заметил:

– Как хорошо, что здесь отсутствуют физические условия для такого фейерверка!

Мой коллега согласился со мной:

– Будь в атмосфере Титана хотя бы немного кислорода, то мы уже поджарились бы при посадке!

Чуть помолчав, добавил:

– А сжиженного газа, судя по целым его рекам и озёрам, здесь не меряно. Причём, высочайшего качества. Он чище, чем слеза ребёнка. Бери, не хочу!

Я поддержал его:

– Ты прав! Его здесь столько, что Земле и не снилось. Причём, готовенький. Природа позаботилась. Хватит на миллионы танкеров. Грузи в и увози. Жаль, что везти далековато!

Помолчали.

Ветров ещё раз посмотрел в небо Титана.

– Интересное, всё-таки, здесь небо. У него цвет раннего рассвета.

Я уточнил:

– У него цвет не раннего, а вечного рассвета. Он никогда не превратится в полдень. Увы.

Ветров согласился:

– Пожалуй. Солнце уже светит вовсю, а эффект нулевой. И не мудрено. Оно отсюда выглядит, как мелкая, сиротливая бусинка. Совсем маленькое и тусклое.

Я вступился за наше светило:

– А чего ты хотел? Оно находится на расстоянии полутора миллиардов километров отсюда. В десять раз дальше, чем от Земли. Вспомни закон обратных квадратов. Его никто не отменял. Хорошо ещё, что светит, как лампадка.

Мой товарищ перевёл стрелки разговора.

– Зато, недостаток света от Солнца компенсирует свет Сатурна. Правда, он отражённый. Но это не так важно. Всё равно светло, как на рассвете.

Снова иронично потянул вверх уголок рта.

– Который никогда не кончается.

Я вскинул вверх руку.

– Погляди, как Сатурн выглядит в небе Титана. Новогодняя игрушка, не иначе. Только невероятно большая и очень красивая. Особенно кольца Сатурна. Ты не находишь, что они чертовски восхитительны? Луна в небе Земли нервно отдыхает.

Визави хмыкнул:

– А ты, похоже, становишься сентиментальным. Такой грех раньше за тобой не водился. Стареешь?

Я возмутился:

– Сухарь!

Ветров парировал:

– Не сухарь, а прагматик.

Чуть помолчав, добавил:

– Заметь, Кручин, что кроме великолепного Сатурна с его неподражаемыми кольцами, в небе Титана есть ещё и скромные облака. Как на Земле. И они, кажется, дают осадки.

– Не дожди же?

– Изморось. Она сыпется сверху, как в морозную погоду у нас, на Земле. Только очень мало и незаметно. В час по чайной ложке. Тем не менее, она покрыла белым пухом всю равнину. И пролежит она до тех пор, пока её не сдует ветер. Такой же редкий и ленивый.

– Всё правильно. Только это не замёрзшая вода, а замёрзший метан. Не забывай, что за бортом минус сто семьдесят.

Ветров, с сожалением, произнёс:

– А кажется, что невинный снежок. Сюрреализм какой-то.

Я согласился:

– Точно сюрреализм. Для полного счастья, здесь не хватает испанского художника Сальвадора Дали. Вот бы кто, от души, получил пищу для своего творчества. Её хватило бы до конца его дней!

Мой соратник сделал неутешительный вывод:

– Сдаётся мне, что здесь, кроме адского холода и сюрреалистических пейзажей, ничего другого нет. Сжиженный газ не в счёт. Запаришься везти.

Я уныло согласился со своим коллегой:

– Пожалуй...

– Зря сели?

– Похоже на то.

Мой коллега, сделав несколько шагов вперёд по белому, пушистому покрывалу, приблизился к обрыву. Остановившись у самого края, он стал заворожено смотреть на речку жидкого метано-этана. Видно, ему до сих пор не верилось, что такое явление может существовать в природе.

Я немного потоптался на месте, а потом, то ли от досады, то ли от скуки, не знаю, пнул носком герметичного ботинка белую, невесомую порошу. Освободившееся, от белых искорок, место показалось очень странным. У меня под ногами, оказывается, был не камень и не лёд, а нечто такое, что поразило меня своим цветом. Оно было белого цвета, и внешне напоминало алюминий. Однако не было таким тусклым, как он. Я наклонился и посмотрел на подозрительный пяточок сбоку. Пяточок весело заискрился. От алюминия такого блеска никогда не дождёшься, с какой стороны на него не гляди. Мне это явление показалось любопытным.

Я вынул из гнезда на поясе портативный, навороченный прибор, и приставил его контактный «пяточок» к поверхности подозрительного пятна. Прибор был очень умным. Он мог определить химический состав вещества, даже, при элементарном, механическом контакте. На его мониторе высветилась информация. При виде её, меня мгновенно бросило в жар. И это не смотря на то, что на дворе было минус сто восемьдесят.

Прибор показал, что я, оказывается, грубо попираю своими стопами природное вкрапление редчайшего химического элемента. И этот элемент – чистый родий, с незначительной примесью рутения, палладия и платины! Уникальный, благородный металл стратегического значения, которого на Земле кот наплакал. Один грамм его стоит целое состояние! А здесь его столько, что никому и не снилось.

Я лихорадочно стал разгребать пушистую порошу. Белое пятно всё увеличивалось, но границ его не было видно. Меня, до самой макушки, захлестнуло крылатое чувство радости от этого невероятного открытия!

Не помня себя от избытка эмоций, я вскинул вверх голову и прорычал что-то нечленораздельное.

Ветров обернулся в мою сторону. Увидев мои, гуляющие на лбу, глаза, он удивлённо спросил:

– Кручин, ты чего?

Ответил я ему не сразу. У меня, как у известной вороны из басни дедушки Крылова, в зобу дыханье спёрло. От переизбытка чувств. В конце концов, мне удалось выдать из себя всего одно слово:

– Родий!

Ветров, по-прежнему, не понимал, что творится со мной.

– Что, родий?

Ко мне вернулось самообладание.

– Только что, на этом месте, я открыл локальное месторождение уникального благородного металла, который называется родием!

Теперь уже у моего коллеги глаза начали покидать свои орбиты.

– Не может быть! Тот самый? Ты шутишь?

Я справедливо возмутился.

– Я разве похож на клоуна? Конечно, тот самый!

Мой коллега был смят.

– Фантастика! Открыл жилу?

Я впервые улыбнулся.

– Не жилу, а, похоже, целый ручей.

Я продолжил разгребать невесомый «пух», очищая поверхность спутника. Ко мне присоединился Ветров.

– Да тут этого родия пропасть! Хватит, чтобы завалить всю Землю.

Покрутил изумлённой головой.

– Кто бы мог подумать, что мы надыбаем его здесь!

Я согласился:

– Это точно!

Мне пришла в голову литературная аналогия.

– Послушай, Ветров, а тебе не кажется, что мы с тобой, в одночасье, стали графами монтекристо. Что скажешь?

Мой друг рассмеялся.

– Ты прав, Кручин! Получается, мы сюда удачно сели!

Я, с удовольствием, с ним согласился:

– Пожалуй!...

Продолжение следует

Энцелад

Я с Ветровым времени зря не теряли. По окончании своей миссии на Титане, мы тут же отправились исследовать ещё один спутник Сатурна, Энцелад. Естественно, исходя из задания Космического центра.

Это был первый пилотируемый полёт на одну из самых загадочных лун газового гиганта.

По космическим меркам, Энцелад совсем небольшое небесное тело. Если не сказать – крохотное. Его диаметр всего полторы тысячи километров. Температура на поверхности минус двести градусов с хвостиком. Это много, с какой бы стороны не смотреть. Однако таким экстримом космических мушкетёров удивить было сложно. Им попадались «орешки» и покрепче.

Энцелад нарезал круги вокруг газового гиганта, украшенного франтоватыми кольцами, на расстоянии всего двухсот сорока тысяч километров. Это была самая близкая к Сатурну луна, из всех лун, вращающихся вокруг него. Позади Энцелада кружат по своим орбитам Тетис, Диона, Рея и гигант Титан. Не считая более мелких естественных спутников.

Невзирая на малую гравитацию, Энцелад обзавёлся довольно внушительной атмосферой. Однако дышать ею было нельзя. Она состояла из углекислого газа, водорода, азота и водяного пара.

Поверхность несчастного небесного тела была изрыта глубокими параллельными складками, которые в научных кругах получили название «тигровые полосы». Таким названием их наградили за сходство со шкурой тигра. На деле же, это тектонические разломы и трещины. Они нарезаются могучими приливными силами близкого Сатурна, причём непрерывно.

Поверхность Энцелада постоянно меняется. «Тигровые полосы» не вечны. Хотя, по космическим меркам, они живут совсем недолго, и тем не менее успевают «порадовать» неожиданными сюрпризами. Разломы спутника, несмотря на чудовищный мороз, часто фонтанируют водяными гейзерами. Фокус заключался в том, что под толстым слоем поверхностного льда находится жидкий океан. Оказалось, что Энцелад – это водный мир. Силикатная сердцевина находится только в его центре.

Учёные предположили, что под толщей льда, в океане могла зародиться жизнь. Вот это и должны были выяснить Кручин и Ветров, отправляясь на спутник Сатурна.

Спускаемый модуль сел на относительно ровную площадку, недалеко от края «тигровой полосы». Космонавты оставили модуль и, не откладывая дело в долгий ящик, решили отправиться на поиски приключений. А если говорить серьёзно, то хотели раздобыть хотя бы одну каплю, свежей воды из местного океана, отделённого от поверхности пятидесяти километровым панцирем льда, который был прочнее гранита.

Ступив на поверхность нового небесного тела, мы, первым делом, внимательно осмотрелись по сторонам. Потом подняли свои взоры к его небесам и... ахнули.

Увиденная картина меня ошеломила:

– Сатурн занимает... полнеба! Ну и монстр! Ну и громадина!

Я растерянно глянул на своего соратника.

– Такое ощущение, что он сейчас нас раздавит! В небе Титана он выглядел гораздо меньше и приятнее.

Ветров нервно хихикнул.

– Действительно, настоящее чудовище. Смотреть страшно. Хорошо, что даже ему не по силам нарушить кеплеровы законы.

– За то, – заметил я, – он терзает своими приливными силами несчастный Энцелад, как жучка грелку.

Мой визави согласился со мной:

– Это, точно. Почва всё время ездит под ногами. И может в любое время разверзнуться в самом неподходящем месте. Так что Кручин, нам надо всегда держать ухо востро!

Я невольно вздрогнул.

– Чего не хотелось бы...

Мы, по привычке, критично присмотрелись к местным красотам.

Ветров разочарованно покачал головой.

– На Титане было уютней. Там небо и пейзажи, пусть отдалённо, но напоминали наши, земные. Здесь всё по-другому. Нет ни рек, ни облаков. Да и небо какое-то монотонное и «чугунное».

Я попытался скрасить мрачную картину, нарисованную коллегой:

– Зато оно чистое, и на нём звёзд больше.

Ветров хмыкнул:

– Радости от этого мало.

Поёжился.

– Не забывай Кручин, что Сатурн в несколько раз ближе. А это уже совсем не комифо. Радиация просто зашкаливает.

Твердь под ногами дрогнула. Я с опаской посмотрел под ноги. Движение тверди усилилось.

– Ветров, долго оставаться здесь нельзя. Начинается активизация приливных сил. Можно в любой момент провалиться в тартарары. Давай попробуем быстрее взять местной водицы, да сделаем ноги. Что-то мне здесь не нравится.

Ветров засомневался:

– Вот только где её взять?

Уточнил:

– Нужна ведь свеженькая водица, так?

Я согласился с ним:

– Непременно. Лёд под ногами не подойдёт. Ему в четверг исполнится четыре миллиарда лет. А может и больше. Плюс сумасшедшая радиация. Это много даже для одноклеточного, если он будет обретаться в замёрзшей воде.

Ветров озабоченно задался вопросом:

– А где взять свеженькую? Под ногами лёд толщиной в полсотни километров. Никакого бура не хватит, чтобы достать до поверхности океана.

Я согласился с ним:

– Это, точно. Расчёт только на водяные гейзеры.

– Но они же не бьют по заказу. Могут врубиться сразу, а могут и подождать сотню – другую лет. С них взятки гладки.

Мне ситуация не понравилась.

– Да, та ещё ситуация...

Но нужно было искать выход.

– Давай подойдём к краю разлома. Может быть, увидим что-нибудь интересное.

Ветров засомневался в идее.

– Кручин, что это даст? Ну, увидим пропасть глубиной в добрый десяток километров. Ни дна, ни покрывки. Причём, есть опасность, что при такой тряске, край её может отколоться.

Но я настоял на своём.

– Это всё же лучше, чем стоять на одном месте и жаловаться на судьбу.

Мой визави, нехотя, согласился.

– Что ж, пошли.

Мы подошли к краю пропасти. Её бездонность просто потрясла нас. Края её непрерывно двигались. Справа от них откололся огромный кусок льда, и бесследно исчез в бездонной черноте.

Нам стало не по себе. Мы инстинктивно отступили от края пропасти.

Ветров уныло заметил:

– Увы, Кручин. Похоже, мы останемся без свежей водицы.

Я тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Казалось, выхода из патовой ситуации, не было. И тут мой разочарованный взгляд наткнулся на странные, кольцеобразные образования из льда, смутно напоминавшие не то чашу, не то цветок. Они доминировали над гладкой поверхностью льда. Это были, скованные вечным морозом, результаты работы недавнего гейзера.

Во мне затеплилась надежда.

– Слушай, Ветров, давай отломаем кусочек застывшего гейзера. И будет нам счастье!

Ветров обрадовался.

– Хорошая идея. Идём!

Мы тут же направились к природным скульптурным образованиям. С интересом стали их рассматривать. В небольшом кольцеобразном образовании мы заметили тёмное пятнышко. В нём отражались звёзды. Мы недоумённо переглянулись между собой. Наклонились. Увидели своё отражение. Крайне изумились.

Ветров воскликнул:

– Что за чудеса? Это же незамёрзшая вода! Разве она может находиться в жидком состоянии при температуре минус двести?

Я попытался разгадать загадку:

– Наверное, это особое метастатическое состояние жидкости, обусловленное целым рядом случайных факторов.

Ветров прикоснулся носком своего герметичного ботинка к зеркалу жидкой воды. Лучше бы он этого не делал! Легким механическим толчком космонавт нарушил хрупкий баланс сил, который удерживал воду в жидком состоянии. Её состояние мгновенно изменилось. Лужица потускнела и превратилась в лёд. Мгновенно. И этот лёд стал твёрже камня.

Ветров сделал попытку убрать носок своего ботинка. Она оказалась напрасной. Тот вмонтировался в энцеладский лёд намертво.

Дело принимало скверный оборот. Жизнь Ветрова подверглась опасности. Стихия бросила людям серьёзный вызов.

Я этот вызов принял. Не долго думая, я сорвал с пояса геологический молоток и принялся, изо всех сил, молотить по льду, стараясь освободить ботинок соратника. Но у меня ничего не вышло. Лёд не поддавался. Он казался твёрже стали.

В это время ледяной панцирь Энцелада стал играть под ногами людей ещё сильнее. Видно, приливные силы Сатурна увеличили свой натиск на несчастный спутник. Надо было спешить.

Я схватился за лазерный излучатель. Теперь вся надежда возлагалась только на него! Врубил на полную мощность тепловой луч. Луч стремительно обошёл стопу космонавта. Поднялся густой пар, который тут же, сахарной пудрой, упал вниз.

– Ветров, убирай ногу!

Ветров дёрнулся. Стихия не отпускала. Кручин торопливо продолжил работу с тепловым лучом. Он опасался, что энергия его иссякнет и тогда ситуация резко ухудшится.

А тут, всё сильнее и сильнее, давала о себе знать другая проблема. Недвусмысленно начинал пучиться под ногами людей ледяной панцирь Энцелада. Напряжение в его поверхности непрерывно росло. С минуты на минуту, терзаемый приливными силами материнской

планеты, спутник мог обзавестись новой «тигровой полосой». Её появление откровенно грозило бы людям трагическими последствиями.

Ветрову удалось выволить свою ногу из ледового плена лишь с третьей попытки. Он вырвал свой ботинок вместе с основательным куском, кристально чистого льда. От чрезмерного усилия, он опрокинулся на спину, но тут же вскочил на ноги.

Нас немилосердно возило из стороны в сторону. Рядом с нами, от края трещины откололся ещё один огромный кусок льда и исчез в крошечной черноте бездны.

Я закричал:

– Бежим к посадочному модулю!

И мы, изо всех сил, побежали. Нас качало, как на палубе корабля, угодившего в сильный шторм. Ветрову сильно мешал кусок льда, намертво примороженный к носку ботинка. Он бежал вприпрыжку, согнувшись в три погибели и помогая себе руками. Хорошо, что на Энцеладе была небольшая гравитация, которая не сильно затрудняла Ветрову, несмотря на все неудобства, держать высокую скорость...

Мы облегчённо вздохнули лишь тогда, когда очутились внутри посадочного модуля. Теперь наши персоны находились в полной безопасности. Мы торопливо переглянулись, с трудом веря в то, что нам удалось спастись.

Ветров сгоряча посетовал:

– Кручин, а свежей водицы мы так и не набрали...

Я пришёл в себя немного раньше своего товарища. Улыбнулся.

– Как, это не набрали? Набрали! Своим ботинком, ты зачерпнул не менее ведра!

Мы рассмеялись. Напряжение спало. Откинули забрава шлемов. Смахнули пот, обильно выступивший на лбу. Автопилот включил маршевые двигатели. Модуль стартовал с бугрящейся поверхности Энцелада и устремился к материнскому кораблю...

Капля, на предметном стекле электронного микроскопа, сверкала, как бриллиант. Я усилил резкость. Перед моим изумлённым взглядом открылась удивительная картина. В капле воды, как в океане, импульсивно двигалось несколько крохотных чудовищ! Ранее таких уродливых форм Кручин нигде не видел.

Я удивлённо присвистнул.

– Ну и дела...

Ветров нетерпеливо поинтересовался:

– Ну, что там у тебя?

Я ответил, не отрывая глаз от окуляров:

– Ветров, мы не зря с тобой парились. Радуйся. Жизнь в подлёдном океане Энцелада есть! И это главное. Правда, она, по своей внешности, какая-то неэстетичная. И, по-моему, ещё доклеточная.

Ветров философски заметил:

– Есть? Это уже хорошо. Доклеточная? Ну и что? Подождём, когда, сначала, станет одноклеточной, а потом и многоклеточной. Приятно, чёрт возьми, чувствовать, что мы во Вселенной не одиноки!

Неожиданно я увидел такое, что невольно вскрикнул. Да так громко, что мой соратник вздрогнул.

– Ты чего, Кручин?

Я, на миг, изобразил из себя Архимеда:

– Эврика!

Ветров усмехнулся.

– Что тебя так возбудило, исследователь инопланетных морских глубин? Встретил брата по разуму?

– Почти!

– А именно?

– Я обнаружил инфузорию – туфельку!

– На Энцеладе? Прекрасно!

– Всё, теперь у Золушки будут туфельки, и она сможет пойти на бал, чтобы встретиться там со своим принцем!

Ветров весело подытожил:

– Согласись, Кручин, а мы сюда, всё же, удачно зашли!

Я улыбнулся.

– Не могу не согласиться с тобой. Но эпопея с полётом к Сатурну ещё не завершилась.

Нас, я надеюсь, ждут другие чудеса...

Продолжение повествования. Начало в рассказе «Сюрреализм»

Кольцо Сатурна

После успешной, но опасной экспедиции на Энцелад, откуда я и Ветров едва унесли ноги, мы позволили себе небольшую психологическую разрядку, которая напоминала визуальную экскурсию по окрестностям самой необычной планеты Солнечной системы. Теперь, с высоты околоэнцеладной орбиты, мы любовались не только величественными кольцами Сатурна, но и самой планетой. Картина просто пленила нас своей невероятной красотой.

Мы вращались вокруг Энцелада, самого близкого спутника Сатурна. Позади нас нарежали свои эллипсы Тефия, Диона, Рея, Титан, Япет и многие другие луны газового гиганта.

С орбиты Энцелада открывалась, действительно, фантастические виды. Сатурн краем своих роскошных колец цеплял орбиту Энцелада. Или почти её цеплял. Необъятная картина завораживала. У нас, как невольных ценителей космических красот, создалось ощущение, что некто, невероятно огромный и мастеровитый, с ювелирной точностью нарезал четыре концентрических, немыслимо тонких кольца и сверху щедро посыпал их бриллиантами. Вращаясь, они мерцали и искрились, никогда не угасая, в своём вечном движении вокруг царственного Сатурна.

Космические красоты настолько ошеломили меня и Ветрова, что мы, на время, забыли обо всём на свете. И этими грандиозными картинами можно было бы любоваться вечно, если бы мы были художниками, или любителями утончённой красоты.

Но я и Ветров, не забывали, что мы, ко всему прочему, ещё и первопроходцы – исследователи.

И так случилось, что делая спектральный экспресс-анализ наиболее крупных фрагментов, ближайшего к Энцелад, кольца газового гиганта, я, совершенно случайно, наткнулся на один необычный экземпляр. Мне сильно повезло. Среди мириадом одинаковых и неинтересных ледяных глыб, загрязнённых силикатом, я обнаружил необычный небесный камень. Он заметно выделялся на фоне космического мусора, и не мог не заинтересовать меня, как учёного. Как этот странный камень туда затесался, мне было совершенно не понятно.

Он представлял собой крупный обломок скалы, диаметром в несколько сот метров. Камень лениво вращался вокруг своей оси, колоритно отсвечивая, при неярком солнце, своими гранями, чем-то напоминая гигантский кристалл. Было видно даже невооружённым глазом, что, отражённый им свет, был веселее, ярче и разнообразней, чем лучи, испускаемые ледяными глыбами. Что уж тут говорить о глазе вооружённом.

Я, не отрывая глаз от окуляра оптики, окликнул своего коллегу:

– Ветров, подойди сюда. У меня приятная новость.

Коллега оторвался от монитора.

– Чем собираешься порадовать?

– Во внешнем кольце Сатурна я нашёл «жемчужину»!

Ветров пожал плечами.

– Там этого «жемчуга» не меньше, чем звёзд на небе.

Я возразил:

– Дружище, эта «жемчужина» особенная!

Ветров иронично прокомментировал мои слова :

– В чём же её отличие от остальных? Не в том ли, что там больше силиката, или, наоборот, больше льда, чем у других? Разве не так? Что, скажешь?

Я упрямо покачал головой.

– Не ёрничай, Ветров. Я говорю серьёзно. Этот небесный камень разительно отличается от незатейливых соседей по своему химическому составу. Он у него настолько интересный

и сложный, что чёрт ногу сломит. И визуально этот камень, рядом со своими соседями, выглядит белой вороной. Причём, откровенно белой.

Ветров поменял тональность:

– Вот как? Никогда бы не подумал, что в этом диком ледоходе можно найти что-нибудь путное. Ну и дела!

Подошёл ко мне.

– Дай, глянуть!

Прильнул к окуляру телескопа. Наморщил лоб.

– В самом деле, в этом обломке есть что-то аномальное!

Чуть подумав, добавил:

– Мне кажется, этим небесным бродягой стоит заняться всерьёз. Не находишь?

Я с ним согласился:

– Ты прав. Только заниматься этим загадочным объектом, всерьёз, на расстоянии не получится. С ним нужен прямой контакт.

– Что ты имеешь в виду?

Я упрямо тряхнул головой.

– Потоптать горбатую спину этого космического бродяги своими ногами!

Ветров некоторое время молчал, переваривая информацию. Затем, с сомнением в голосе, спросил:

– Как ты собираешься добраться до него?

Я ответил ему, не раздумывая:

– На челноке. Расстояние небольшое. Поймать момент и нырнуть. Горючего хватит.

Правда, в обрез.

Визави переспросил:

– Всё-таки, не на корабле, а на челноке?

Я уверенно ответил:

– Именно, на челноке. Корабль громоздок и неуклюж. Здесь нужна крайне маневренная посуда.

Ветров почесал затылок.

– Послушай, Кручин, а не получится так, что нырнуть получится, а вынырнуть – нет?

– Конечно, все риски надо учесть, но предварительная прикидка говорит, что десантирование на это небесное тело вполне возможно.

– А ты учёл случайности?

– Конкретно, какие?

– Какие, спрашиваешь? Да всё пространство над кольцом буквально забито осколками, размером от микрона, до метра в диаметре и более. Я не говорю уже о более крупных глыбах. Врежется один такой облом в борт и... привет!

Я аргументировано ему возразил:

– Ветров, уверяю тебя, картина не такая страшная, какой ты её тут изобразил. Над кольцом все тела, большие и маленькие, движутся в одном направлении. Правда, с разной скоростью. Однако разница в скорости не фатальна. Вместе с ними, с той же скоростью, пойдёт и наш челнок.

Невольнo улыбнулся.

– А потом, для чего мы, Ветров? В случае угрозы, сманеврируем!

И уверенно закончил:

– Думаю, надо рискнуть!

Ветров снова почесал свой затылок.

– Риск ещё тот, чёрт возьми. Но... попробовать, действительно, стоит!

Мы поступили, как настоящие космические мушкетёры. Доверили материнский корабль бортовому компьютеру, а сами передислоцировались в десантный челнок. Расчёт траектории движения аппарата, произвели с точностью до метра. Горючее посчитали так, чтобы хватило туда и обратно. При расчёте траектории, учли бесплатные силы притяжения газового гиганта, который гнал космический аппарат по кругу.

И вот десантный челнок, с нами на борту, поплыл над одним из самых невероятных природных образований дальнего космоса. И самых опасных и непредсказуемых. Аппарат шёл по навигатору. Его вёл автопилот. Он же зорко следил и за ситуацией за бортом.

Я и Ветров пребывали в роли почётных гостей. Хотя, в любой момент, могли взять управление кораблём на себя. А пока мы, с немым восторгом, наблюдали за, проплывавшими внизу, невообразимо красивыми и масштабными видами, пугающего своей необъятностью, кольца Сатурна. Под брюхом челнока, развернувшись во всю свою мощь, простиралась, быть может, самая грандиозная космическая дорога. Она не имела ни конца, ни края. От идеально ровного, немислимо раздольного, переливающегося серебром, космического шляха захватывало дух.

Такого, потрясающего воображение, зрелища нам видеть ещё не приходилось. У космоса нет горизонтов. Кроме горизонта событий. Но он невообразимо далеко. Поэтому было хорошо видно, как звёздный шлях тянулся к самому краю гигантского диска Сатурна, чтобы, потом плавно изогнувшись, спрятаться за его могучей спиной. И где-то там, на этой безбрежной серебристой полосе, затаился тот самый небесный камень, к которому и устремился утлый космический челнок землян.

Ветров, не отрываясь, смотрел в панорамный иллюминатор. В глазах восхищение.

– Какая красотища! Ни один художник на свете не сработает так талантливо, как это делает природа. Даже, если он сюрреалист. Глядя на его картину, не веришь ему. Не веришь потому, что так не бывает.

Блеснул глазами.

– А здесь... сюрреализм, но реальный! Реальный!

Я подержал его:

– Согласен. Смотришь, и у тебя создаётся впечатление, что мы движемся по мосту, который перекинут над бездной, от одного звёздного берега до другого. Размах его невообразим. Это, просто, потрясает!

Идиллическую картину нарушил резкий манёвр челнока. Это сработал автопилот, уходя от столкновения. Мы стукнулись гермошлемами. Слева, совсем рядом, проплыла огромная, похожая на айсберг, ледяная глыба. Скорость у неё была выше, чем у космического аппарата. Поодаль от неё, тускло отсвечивал своими боками на солнце, целый рой таких же ледяных глыб. Чувствовалось, что нам скучать не придётся!

Ветров криво усмехнулся. – Жизнь полна неожиданностей. Особенно, космическая. Она всегда держит человека в тонусе!

Я вяло отшутился:

– Хорошо ещё, что этот облом наш попутчик. Ведь скорость у него ещё та. Более десяти километров в секунду!

Ветров добавил:

– Представляю, что бы произошло, если бы эта глыба зашла с боку, или пёрла навстречу. Яркая вспышка и... больше ничего!

Я невольно вздрогнул.

– Печальная перспектива...

Корабль землян, только ему одному ведомым путём, нашёл иголку в стоге сена. Он, сначала, завис над небесным камнем, а потом опустился на его поверхность. Автомат так мягко произвёл посадку, что небесное тело даже не почувствовало её. Мы облегчённо вздохнули потому, что прибыли, наконец, к месту назначения.

Я с трудом скрывал своё волнение.

– Поглядим, куда нас занесло на этот раз.

Ветров тоже заметно нервничал.

– Поглядим.

С большими предосторожностями мы покинули космический аппарат. Сила тяжести на поверхности небесного камня была ничтожной. Один неосторожный шаг, или резкое движение и первая космическая скорость обеспечена.

Огляделись. Увиденная картина снова ошеломила нас, но, на этот раз, с противоположным знаком. Они увидели небесный шлях, теперь уже, не с космических высот, а с высоты человеческого роста. И картина перевернулась. То, что издали, виделось прекрасным, вблизи оказалось безобразным. Гладкий, космический шлях, на деле, оказался ухабистым и совершенно непригодным для использования. Теперь это был бесконечный поток, вращающихся огромных глыб и маленьких осколков льда. У космонавтов он ассоциировался с, не знавшей берегов, запредельно громадной рекой, буйствующей во время весеннего половодья. Только льдины были громадными, а река бездонной. В промежутках между глыбами просвечивало небо. И оттуда, своими холодными лучами, кололи глаза далёкие звёзды...

Небесный камень, на котором мы обосновались, тем временем, совершил половину оборота вокруг собственной оси, и мы оказались на теневой стороне космического шляха. Ощущение, конечно, не из приятных, но пережить его можно.

Теперь я и Ветров могли наблюдать космическое «половодье» как бы снизу. С той стороны, куда не проникали лучи солнца и отражённый свет Сатурна. Это была воистину мрачная картина.

Ветров, вдруг, вспомнил древнегреческую мифологию.

– Послушай, Кручин, тебе не кажется, что мы попали в царство Плутона. Здесь очень мрачно и холодно!

Передёрнул плечами.

– Жуть!

Я его успокоил:

– Не переживай. Поворот на сто восемьдесят градусов и мы снова будем на светлой стороне.

– Скорей бы...

Я перешёл на деловой тон:

– Однако оставим лирику. Экскурсия закончилась. Пора приступить к работе...

Продолжение повествования. Начало в рассказах «Сюрреализм» и «Энцелад»

Небесный камень

...Я и мой коллега Ветров, никогда не забывали, что мы, ко всему прочему, ещё и первопроходцы – исследователи.

Я перешёл на деловой тон:

– Однако оставим лирику. Наша экскурсия закончилась. Полюбовались неземными красотами и довольно. Пора приступать к делу.

Дождавшись выхода из царства тьмы в царство света, Мы начали исследование поверхности небесного камня.

Я достал свой портативный навороченный прибор, заточенный на распознавание различных химических элементов. С его помощью он уже открыл на Титане редчайший металл родий. Теперь надеялся на удачу, и здесь, на загадочном осколке, то ли планеты, то ли планетоида.

Освещение оставляло желать лучшего. Далёкое Солнце, тусклой лампочкой, освещало неровную поверхность небесного тела. Пришлось прибегнуть к дополнительному освещению. Наклонившись словно грибники, мы разбрелись по бугристой спине астероида. Мы торопились, потому что световой день на этом небесном теле был очень короток.

Глядя под ноги, я и Ветров не забывали смотреть по сторонам. Стихия могла, в любой момент, преподнести неприятный сюрприз. И, действительно, невдалеке, призраком проплыл огромный обломок льда.

Ветров, с тревогой в голосе, заметил:

– А ведь они могут лететь и над головой!

Я настороженно откликнулся на его реплику:

– Могут. Везде могут. И над головой тоже. Это как повезёт.

Ветров тревожно огляделся.

– Опасности, пока, не видно.

Я скептически заметил:

– Это на свету можно увидеть опасность. В темноте ситуация другая. Там карачун может подкрасться незаметно.

Ветров суеверно буркнул:

– Не каркай!

Первая удача пришла к нам тогда, когда местный световой день уже перевалил за свою половину. Я неожиданно наткнулся на странное вкрапление, которое отсвечивало серебристо – белым цветом. Цветом своим оно ото льда почти не отличалось. Было лишь чуть чище и выглядело благородней.

Я с волнением задействовал свой навороченный прибор. Дисплей аппарата тут же бесстрастно донёс мне, что он имеет дело с рением. Это один из редчайших химических элементов таблицы Менделеева. Прибор добросовестно зафиксировал также, сопутствующие этому элементу, следы рутения, платины и других благородных металлов. Я сначала не поверил своему счастью, а потому перепроверил показания прибора. Ошибки не было. Это, действительно, был рений!

Я, на радостях, не смог сдержать свои эмоции:

– Я нашёл рений!

Привлечённый моим возгласом, ко мне подбежал Ветров.

– Кручин, я не сильно разбираюсь в тонкостях химии. Но, насколько мне известно, это очень дорогой металл.

– Ты прав. Этот металл очень дорогой и редкий.

– Где он используется?

– Диапазон его применения очень широк. Он используется в авиа – и ракетостроении, для изготовления сверхточных приборов и в других, технологически продвинутых, отраслях промышленности.

– Классно! А его здесь много?

Я подкатил глаза.

– Если на Земле его добывают граммами, то здесь его не меряно!

Удовлетворённо покрутил головой.

– Щедра, матушка-природа, удивительно щедра!

Ветров тоже проникся значимостью момента.

– Выходит, мы сюда не зря слетали?

– Не зря!

Кручин многозначительно устремил вверх указательный палец.

– Но ещё не вечер. Не одним рением жив человек. Спектральный анализ дал понять, что в недрах этого небесного камня таится ещё много чего интересного. Надо рыскать дальше. Волка ноги кормят!

Работа пошла веселей. Надо было торопиться. Местный световой день заканчивался. Вскоре повезло и Ветрову. Он наткнулся на пятно, напоминающее лужу разлитого молока. Только с голубоватым оттенком.

Оно его заинтересовало. Он позвал своего товарища:

– Кручин, подойди сюда. Я тоже кое-что нашёл. Посмотри!

Кручин поспешил на зов своего коллеги. Дело в том, что поверхность небесного камня, на которой они работали, собиралась погрузиться в царство темноты.

Он исследовал странное пятно и, считав информацию, воскликнул:

– Это галлий!

Ветров улыбнулся.

– А его с чем едят?

Кручин ответил:

– Это тоже очень редкий металл и очень дорогой. Его на Земле добывают по крупницам.

– А его где применяют?

– Он используется для производства лазеров, в высокоточной электронике и других, технологически продвинутых областях.

– Круто!

Световой день заканчивался. Сторона каменной глыбы, на которой обосновались люди, начала уходить в «царство» Плутона.

Ветров попытался пошутить:

– Жаль, что работа прекращается. Мне так понравилось делать открытия!

Кручин его подбодрил:

– Не переживай. Всё возвращается на круги своя. Поворот на сто восемьдесят градусов и мы снова в царстве света.

Сделалось темно.

Ветров мрачно пошутил:

– Потушили свет!

Космонавты направились к посадочному модулю, чтобы в нём переждать время пребывания в гостях у Плутона. Впереди призывно мигали его габаритные огни.

Неожиданно, основание под ногами людей дрогнуло. Кручин оглянулся. На космонавтов беззвучно наваливался гигантский ледяной осколок, размером в несколько футбольных полей. Он плыл впритирку к поверхности астероида. Бежать было некуда. Запустить портативные ракетные двигатели, тоже не доставало времени.

Кручин резко скомандовал своему другу:

– Ложись!

Тот оглянулся назад. В его глазах обозначился ужас. Он плашмя упал на поверхность небесного камня. И тут их накрыла неровная поверхность силикатно – ледяного колосса. Его скорость была немного больше скорости астероида, на котором обосновались космонавты. Им оставалось только молить судьбу, чтобы не быть «смолотыми» в муку безжалостными космическими «жерновами»...

Глыба ушла вперёд. Беда миновала. Люди облегчённо вздохнули. Они остались живы. Кручина даже не зацепило. Ветрову повезло меньше. Его придавило, но не фатально, а по касательной. Главное, уцелел скафандр.

Космонавты тут же вскочили на ноги. Занялись портативными двигателями. У Кручина он включился, а у Ветрова – нет. Его снесло выступом ледяной глыбы.

Ветров обескуражено произнёс:

– Кручин, у меня проблема!

Кручин встревожено спросил:

– Что случилось?

– Снесло двигатель. Я обездвижен!

А в это время, к великому ужасу людей, ледяная глыба своим краем зацепила посадочный модуль. Тот, как детская игрушка, беспорядочно закувыркался в пространстве. Людям необходимо было срочно спасать посадочный модуль, и, тем самым, себя.

Кручин моментально принял решение:

– Ветров, я, сначала, разрулю ситуацию с модулем. Потом решим твою проблему. Держись!

Беспомощный Ветров дал отмашку.

– Валяй!

Кручин устремился к кувыркающемуся космическому аппарату.

Ветров остался один. Безнадёжней той ситуации, в которой он оказался, было не найти. Он один на глыбе, среди мириадом других глыб, которые обречены вечно носиться вокруг косматого газового гиганта. Он беспомощен и беззащитен. Вокруг жестокий и равнодушный космос. Надежда только на помощь извне. Но помощь может и не прийти. И не потому, что друг бросит его на произвол судьбы. Совсем не потому. Карта судьбы может лечь так, что он просто не сможет сделать это физически, несмотря на все свои усилия.

Ведь неизвестно, что сотворила глыба с посадочным модулем. И сможет ли он вообще нормально функционировать. Неизвестно, увенчается ли успехом погоня Кручина за космическим челноком, который ускорился от толчка ледяной глыбы. И может случиться так, что и Кручин окажется в таком же положении, что и Ветров. И тогда... *finite la comedian*...

Ветрова сковал шок. Но ненадолго. Он взял себя в руки, и начал искать выход из сложившейся ситуации. А кто ищет, тот всегда найдёт. Мимо проплывала ещё одна глыба. Она была меньше предыдущей, но тоже выглядела солидно.

И тут его осенила счастливая мысль: надо прикрепиться к проплывающей глыбе и продолжить движение с ней, в качестве пассажира – безбилетника. Ведь здесь всё на свете движется в одном направлении. Одно быстрее, а другое медленнее, но в одну сторону. Так появится шанс не сильно отстать от своего соратника, который пытался укротить строптивый посадочный модуль.

Ветров пристроился к спасительной глыбе и облегчённо вздохнул. Первая часть проблемы была решена. Он стал двигаться с повышенной скоростью. Огни модуля находились в пределах видимости. Он теперь переживал по поводу того, сможет ли его друг сделать модуль снова управляемым. От этого, напрямую, зависела их жизнь. Ветров волновался и успокоился лишь тогда, когда увидел, что сигнальные огни космического челнока обрели стабильное положение в пространстве.

Вслед за этим Ветров услышал в своих наушниках тревожный голос своего товарища:

– Ветров, отзовись!

Пассажир – безбилетник бодро ответил:

– Кручин, у меня всё в норме!

– Ты на поверхности небесного камня?

Ветров попытался пошутить:

– Не совсем. Я оседлал льдину, случайно проплывавшую мимо, и как барон Мюнхгаузен на пушечном ядре, следую за тобой.

Тревога в голосе Кручина улеглась.

– Ты далеко?

– Сложно сказать. Думаю, не очень.

Голос Кручина обрёл деловые нотки:

– Мои действия?

– Притормози модуль и моя льдина настигнет его.

– Прекрасно.

Вскоре Ветров уже находился в салоне космического челнока. Уставший и счастливый. Удивительные приключения в «царстве» Плутона закончились. Космонавты подняли забрала шлемов, и полной грудью вдохнули нормального земного воздуха.

Ветров улыбнулся.

– Кручин, а мы сюда удачно зашли!

Кручин улыбнулся в ответ.

– Кто бы возражал!

Погасив улыбку, озабоченно добавил:

– Главное, теперь, удачно отсюда выйти...

Продолжение повествования. Начало в рассказах «Сюрреализм», «Энциклэд» и «Кольцо Сатурна».

Такая работа

На этот раз мы с Ветровым отправились на Каллисто, спутник Юпитера. Естественно, по заданию Космического центра, и, как всегда, с научной миссией. А если говорить более конкретно, то определиться с местом для основания космической базы на поверхности естественного спутника Юпитера. Каллисто находился на относительно безопасном расстоянии от газового гиганта. Его не сильно донимали приливные силы и радиация Юпитера. Кроме того, он занимал оптимальную промежуточную позицию между ближним и дальним космосом.

Вот так и снуём, то на спутники Сатурна, то на спутники Юпитера.

Но случилось так, что на Каллисто мы не попали. Произошло это по воле слепого случая. Хотя, если признаться честно, то в нашей опасной работе разные непредвиденные обстоятельства случаются гораздо чаще, чем планируемые. И все эти непредвиденные обстоятельства почему-то всегда неприятные.

Стартовали мы с лунной космической базы. Оттуда легче добраться до намеченной цели. Да и сам Сатурн подплывал по своей орбите, вместе со своим семейством, к ближайшей, по отношению к нам, точке. Казалось, что космические пазлы складывались, как надо. Но до конца они так не сложились. Вмешались слепые силы природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.